

СОДЕРЖАНИЕ

Знаки судьбы	3
Вхождение	38
Взрыв	62
Позиция	95
Звездный смысл	134
Поиск истины	173
Заветное	222
Боль	238
Бондаревское	297
Ответ (вместо послесловия)	341

Владимир Иванович Коробов

ЮРИИ БОНДАРЕВ

Рецензент *И. Богатко*
Редактор *К. Евграфов*
Художник *Д. Константинов*
Художественный редактор *Г. Саленко*
Технический редактор *В. Флид*
Корректор *В. Лыкова*

ИБ № 3301

Сдано в набор 30.12.83. Подписано к печати 01.03.84. А06766. Формат 84×108/32. Гарнитура литерат. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 19,32. Усл. краск.-отт. 19,37. Уч.-изд. л. 21,12. Тираж 50 000 экз. Заказ 1009. Цена 1 руб.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 62.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25

ЗНАКИ СУДЬБЫ

Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Но верю — не пройдет бесследно
Все, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Александр Блок

...Читатель, прошу тебя, начни помедленнее:

«В тот благословенный день замоскворецкого лета, после грозового теплого дождя, обильно пролившегося над переулками, она, застигнутая где-то ливнем, худенькая, смуглая, в бесстыдно облепившем ее ситцевом платье, прошла мимо, с удовольствием ставя босые ноги на дымящийся асфальт, мотая в руке промокшими сандалиями. А он в компании сверстников сидел тогда на перилах крыльца, с крыши которого то и дело шлепались в солнечные лужи последние капли, и с сочным треском грыз зеленые яблоки, сворованные в саду знаменитого «Великана», крошечного кинотеатра, расположенного за соседним забором.

— Эй ты, босая курица! — крикнул он без всякой причины грубо. — Ты откуда? В Канаве купалась?

— Привет, воришки, — ответила она весело.

И окатила его до того насмешливо засиявшим взглядом черных глаз, что он быстро не нашел ответа и запустил ей вслед огрызком яблока.

Так она и запомнилась ему на всю жизнь — гибкая, в облепившем ее до колен платье, с сияющими насмешкой глазами из-под слипшихся ресниц. Ему и ей было в то лето по двенадцати лет».

— Все это было, да прошло. Что прошло, то не существует. Чего не видишь глазами, чего не ощущаешь руками, того нет...

Немысленная речь! Невещественное прочнее осязаемого. Полено хоть сто лет в пазухе носи, полено и есть. А вот матери своей или сестры я годами не видел, без меня обе померли, но любовь и благодарность к ним живы со мною.

Все, что было, то я в себя вобрал, и оно есть. Горестное бывало, но надобно вразумиться сердцем и принять бедности все как науку, как врачество, как опыт для остаточных дней и — почувствуешь удовлетворение.

Все, что ты видел, все, что ты делал, что переживал, во что вникал, над чем радовался или скорбел, все это, как некие неизживаемые дрожжи, остается в тебе.

...И ты скажешь: «Воспоминания детства как живые встают передо мной...» В том-то и дело, что не «воспоминания»! Воспоминания — это дымок от папироски, окурки. А я вот ясно вижу, чувствую, знаю, что радость, которая рождалась во мне тогда, в детстве, эта радость существует...

— Как это ты можешь ощущать и переживать одновременно то, что было с тобою сорок лет назад, и то, чем живешь ты в данную минуту. Как можно совместить переживания шестнадцатилетнего с шестидесятилетним?

— Видишь ли, несколько десятков лет моей жизни — это несколько десятков червонцев, которые все при мне. Существование этих «златниц» таково, что их нельзя растерять. Жизнь свою я назвал «златою цепью». Первое звено ее есть мое младенчество, последнее звено — есть старость. Концы этой цепи соединяются. Получается вечность...

Разговор сейчас идет не о вещественном, плотском, осязаемом. Но все же и тело мое, руки, ноги те же самые, что «были» в четырнадцать лет. Я говорю о «переживаниях» тех или других лет моей жизни, которые явились знаком, знаменьем, залогом. Я отозвался тогда всем моим существом, всеми моими чувствами. От этого родилась реальность, стали существовать «вещи», которые нельзя осязать руками, нельзя видеть телесными нашими гляделками, но которые несомненно существуют.

...Со мною не раз бывало такое: в городе ли, в старом проулке, в деревне ли застигнет тебя, обнимет некое сочетание света и теней, неба и камня, дождя и утра, перекрестка и тумана и вдруг раскроются в тебе какие-то таиновидящие глаза. (Или это разум вдруг обострится?) И одним умом думаешь — когда-то в детстве-юности шел ты и видел ты схожее расположение дороги, света, тени, времени и места. А разум твой раскрывает тебе большее, то есть то, что сейчас с тобою происходит, отнюдь не воспоминание, но что бывшее тогда и происходящее сейчас соединилось в одно настоящее. И всегда в таких случаях, чтоб «вспомнить», когда я это видел, мне надобно шагнуть в п е р е д (отнюдь не назад).

«Стою на тихой улочке Ялты, смотрю на осеннюю листву, нежно пожелтевшую, прощальную, обогретую сентябрьским солнцем, и покойно, благостно у меня на душе.

А под ногами упавшие на тротуар переспелые каштаны раскололись, колючий панцирь раздвинулся, обнажив отполированное ядро, и вдруг чувствую: такое же освещение, такой запах, такое теплое веяние горьковатого воздуха: было уже когда-то в моих далеких ощущениях, и все это приносит мне грустное наслаждение, как мечта о неясной радости, как воспоминание о незавершившейся любви юности.

В последние годы случайное повторение давних чувств, тончайших оттенков настроения, особенно в погожие осенние дни, почему-то подолгу не выпускают меня из обвораживающей власти.

Более всего удивительно, что подобное состояние я испытывал еще в раннем детстве, глядя на плывущий мимо белых фонарей снег, на синие лужи после грозы, на ворохи сухих листьев под обдутыми октябрьскими ветрами заборами или слыша стук ее коньков по деревянному настилу, когда она, стройно покачиваясь, с улыбкой выходила из раздевалки в своих серебристых «снегурочках» на вечерний лед оживленного катка...»

Нет такого явления, как «было», потому что прошлое — «есть». В каждый данный момент оно в каждом мужчине или женщине, все наследие, вся предыстория в каждый момент присутствует в нем или в ней. И поэтому человек, персонаж в любой момент действия являет собой не просто то, что он есть в данный момент, в нем все то, что сделало его именно таким...

(Для справки: последний абзац принадлежит Фолкнеру, а между двумя бондаревскими мгновениями как-то сами собой легли курсивом прекрасные дневники Бориса Шергина.)

Отсюда, из контекста этого не случайного литературного монтажа, ясно, что как писатель Юрий Бондарев...

Впрочем, прежде чем с ходу атаковать первую «тайну творчества», взгляды-ка лучше поприспальнее в того замоскворецкого голубятника, в того далекого мальчика, без которого не то что «Мгновений» или «Выбора» — не было бы ничего.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66